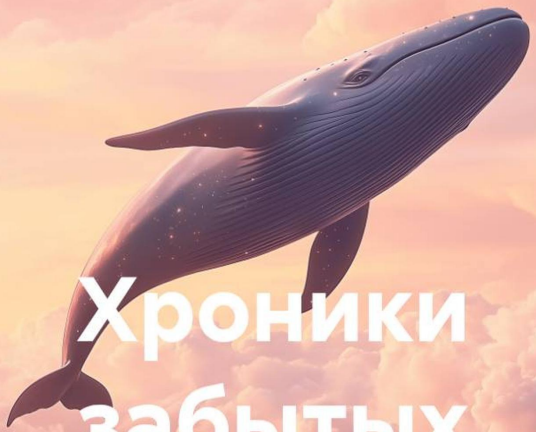
Андрей Юрченко

Хроники забытых времён

Андрей Юрченко

Хроники забытых времён

https://litres.ru/74774782
SelfPub; 2026

Аннотация

Две половины одной искры ищут друг друга сквозь жизни. Им предстоит открыть дверь между мирами, вернуть свет падшему ангелу и спасти мир от забвения.

Андрей Юрченко
Хроники забытых времён

ХРОНИКИ ЗАБЫТЫХ ВРЕМЁН

Содержание

Пролог. Искра в Пустоте
Часть Первая. Исполины
Часть Вторая. Светоносец
Часть Третья. Люди
Часть Четвёртая. Сын
Часть Пятая. Лжепророк
Часть Шестая. Развенчание
Часть Седьмая. Изгнание
Часть Восьмая. Стражи
Часть Девятая. Пробуждение
Часть Десятая. Двор
Часть Одиннадцатая. Встреча
Часть Двенадцатая. Дорога
Часть Тринадцатая. Дверь
Эпилог. Сказка, которая правда

Пролог. Искра в Пустоте

Не существовало ни времени, ни пространства — была лишь Воля, и тишина, в которой она звучала. Творец был молод; он смотрел в пустоту и видел в ней отражение Своего

замысла. Тогда у Него не было ни имени, ни лика, ни слова, которым можно было бы Его назвать. Он был — и этого было достаточно. Он появился из ничего и когда-нибудь уйдёт в никуда. Он понимал это, но пока Он был всемогущ.

А когда Он захотел, чтобы было что-то кроме него, появились миры — бесчисленные, как соты в улье. Одни были из воды, другие из огня, третьи из света, иные из тьмы, а какие-то — из того и другого вместе, сплетённые в диковинный узор, который не под силу разгадать никому, кроме Него самого. В каждый мир Он вдохнул искру жизни — дыхание Своё, частицу Себя, — и в каждом мире его искра приняла свою особенную форму. Так рождались первые миры. Так рождалась жизнь во вселенной.

Но в одном из миров — том, что мы, люди, называем Землёй, — Творец то ли от скуки, то ли по вдохновению решил сотворить нечто особенное: не просто жизнь, а подобие себя, не просто дыхание, а наследников себе. И ещё одно Он сделал, чего не делал никогда и ни в одном из миров: Он разделил одну целую искру на две. Чтобы они искали друг друга всю свою отмеренную им жизнь. Чтобы они помнили друг друга на подсознании, но не знали друг друга в лицо. Чтобы они — даже потеряв память — искали друг друга и тосковали.

Так началась история забытых времен, которую никто не записал целиком, так как свидетелей было всего трое: Он, те, кого Он создал, и те, кто пал.

Часть Первая. Исполины

Земля была молодой и дикой. Горы ещё дышали жаром, океаны кипели, а небо было цвета расплавленного олова. В этот хаос Творец вдохнул первых существ и назвал их Титаны. Он создал их из глины, огня и звёздной пыли; они были огромные, как горы, сильные, как буря, они были венцом его творения. Он даже дал им разум — не для того, чтобы властвовать над миром, а для того, чтобы понимать окружающий мир и жить с ним в гармонии. Он дал им огромную силу — не для того, чтобы разрушать, а для того, чтобы создавать. Он дал им простую заповедь, простую как первый рассвет:

— Плодитесь и размножайтесь. Храните этот мир, ибо он — ваша колыбель.

Титаны приняли этот дар с благодарностью. Первое время они жили по завету Творца: возводили города из камня, прокладывали новые русла рек, выращивали леса. Но искра, вложенная в них, была слишком яркой и неделимой, а гордость от этой искры — слишком близкой к безумию.

Спорить они начали о малом. Они спорили долго, но ещё по-доброму, как братья, которые делят наследство и пока не знают, что делят не вещи, а будущую вражду. Потом споры стали жёстче. О границах владений. О власти. О том, кто из них ближе к Творцу. О том, кого Он любит больше.

Самого старшего звали Атлант — тот, кто держал на плечах небо и знал цену тяжести. Второго звали Кронос — тот,

кто считал время и верил, что всё можно измерить. Третьего звали Имир — тот, кто первым вышел из хаоса и помнил его вкус. Были и другие: Гея, что давала жизнь камням; Уран, что смотрел сверху и считал себя выше всех; Прометей, что видел дальше остальных и потому боялся больше остальных.

— Ты видел, как Он смотрел на меня, когда говорил о реках? — спросил Кронос, огромный, с кожей цвета базальта, и в голосе его была не любопытство, а зависть.

— Он смотрел на всех, — ответил Атлант, не поднимая глаз от земли. — Он всегда смотрит на всех. Это Его природа. Не путай внимание с любовью.

— А если и путаю? Если я хочу, чтобы Он смотрел только на меня? Разве это грех — хотеть быть любимым?

— Грех не в том, чтобы хотеть. Грех в том, чтобы отнимать у других.

— Я ни у кого не отнимаю. Я просто спрашиваю: почему он дал мне силу, если не хочет, чтобы я ею пользовался? Почему дал разум, если не хочет, чтобы я думал о большем?

— Потому что Он хочет, чтобы ты думал о мире, а не о себе.

— Мир — это я. Мир — это мы. Разве можно разделить?

— Можно, — сказал Имир, самый старый, с глазами, как потухшие вулканы. — И вы уже разделили. Каждый из вас думает о себе. Каждый из вас хочет больше. Я видел, как вы смотрите друг на друга, когда Он говорит. Я видел, как вы считаете, кто ближе стоит. Это начало конца.

— Ты преувеличиваешь, старик.

— Нет. Я видел, как рождаются чудовища из вашей ярости. Они уже ползут по земле. Они — ваши дети. Вы убиваете их, думая, что убиваете врагов, а на самом деле убиваете себя.

Они не слушали. Они спорили о границах, о власти, о том, кто из них первый. И тогда кровь впервые пролилась на молодую Землю.

Там, где она впитывалась в почву, вырастали чудовища — порождения их ярости и боли. Титаны смотрели на них и не понимали, что это их собственные дети. Они убивали их, думая, что убивают врагов. А потом начали убивать и друг друга.

Творец смотрел на всё это и не понимал их; впервые в Его замысле появилась печаль. Он дал им всё, но они не смогли жить в мире. Он не стал уничтожать Титанов сразу и дал им время подумать. Но время не вылечило их — оно лишь отточило их пороки.

Часть Вторая. Светоносец

Боги правят на земле с незапамятных времен, но прежде чем создать Богов, Творец создал тех, кто должен был стать следующими. Это было Небесное Воинство. Теперь он взял свет, что был до начала времён, и выковал из него воинов. Не из глины, а из чистого сияния. У них не было лиц, лишь отблески. Сначала у них не было даже имён, а только пред-

назначение — служить Творцу.

Во главе Воинства стоял тот, кто был создан первым из них. Он был самый яркий, самый гордый, самый близкий к Творцу, самым любимым сыном. Его имя тогда ещё не звучало как проклятие. Его звали Светоносец.

Он был первым среди равных, первым среди ангелов. И по времени создания, и по излучаемому им свету. Не по силе, но по близости к Творцу. Творец создал его из Своего дыхания, из той части Себя, которую Он считал лучшей в себе, ту, которую хотел видеть в других. Творец говорил с ним — не как со слугой, а как с сыном. Он рассказывал ему о своих замыслах, о созданных им мирах, о своих первых созданиях, о Титанах, о тех, кто предал его, тех, которые теперь должны пасть за непослушание перед ним.

— Ты — мой меч, — сказал Творец. — Ты — моя карающая рука. Ты — тот, кто очистит Землю от скверны, чьё имя Титаны.

Светоносец не сомневался. Он верил в своё предназначение меча. Он хотел верить, он хотел доказать отцу свою любовь. Он ждал возможности проявить себя как любимый и любящий сын.

А потом наконец пришло его долгожданное время.

Он спустился на Землю как ангел, как воин; не как свет, а как карающее пламя, как огненный меч Творца. Он вёл за собой легионы братьев, которые не знали страха и не знали сомнений — он знал и признавал только волю Отца. Он сра-

жался и убивал, он очищал землю. Делал то, на что была воля Творца.

Но, спустившись вниз, свет Творца стал покидать его, и чем дальше от света он отходил, тем больше каждый шаг его по Земле забирал у него свет. Каждое убийство титана забирало часть его сущности. Каждый вздох земного воздуха делал его тяжелее, медленнее, темнее. Сначала он не замечал, он думал, что это просто усталость, что это просто последствия битв, что это просто цена его побед во имя отца. А потом он увидел свои руки. Они теперь были не светом — они были в крови титанов. Они стали плотью.

Он увидел своё отражение в луже крови. Там был уже не ангел света. Там было чудовище. То, в которое он превратился, выполняя волю отца.

Он закричал, но не от боли, а от ужаса. Он звал Творца, он просил объяснить почему, просил вернуть его свет обратно. Но ответа не было. Только тишина в ответ. Та самая тишина, что была до начала времени.

Тогда он бросил истребление оставшихся титанов и повернул свою армию наверх. Нет, не с войной, а чтобы спросить почему. Но небеса приняли это за мятеж, и он и его войско были разбиты.

Теперь он вернулся наверх, но не как победитель, а как мятежник. Он стоял перед Творцом и ждал от него ответов. Впервые за всё время он не знал, что сказать. Слова, которые он нёс в себе всю дорогу — злые, точные, заготовленные ещё

там, на пепелище внизу, — застревали в горле, как кость.

— Посмотри на меня, отец, — сказал он наконец.

Творец поднял тяжёлый взгляд.

— Ты видишь меня? — Светоносец поднял руки. Они были в крови титанов, из плоти, из мяса, с грязью под ногтями и царапинами от чужих мечей. — Ты это видишь? Я твой сын. Я был светом. Я был твоим светом. А теперь я — вот это?

— Я вижу тебя, сын, — сказал Творец.

— И ты ничего мне не ответишь?

— А что ты хочешь услышать от меня, сын?

Светоносец засмеялся — коротко и сухо, бессильно, как кашель.

— Я хочу услышать, что ты не знал, что это со мной станет. Что это вышло случайно. Что ты не просчитал всё это наперёд, как просчитываешь всё вокруг. Скажи мне это. Скажи мне правду или соври мне. Я поверю тебе. Я всегда тебе верил. Я твой меч, твой свет, твой сын!

Творец смотрел на него тяжёлым взглядом и молчал.

— Значит, знал, — тихо сказал Светоносец, опустив голову. — Ты знал всё, знал, что я потеряю свой свет. Ты знал, что я стану чудовищем, потеряв его. Ты послал меня вниз, зная всё это, ты пожертвовал мной ради своего замысла, ради мести титанам?

— Да, — ответил Творец.

Одно слово. Без оправданий, без смягчений, сухо в лоб. Светоносец тяжело покачнулся, будто его ударили под дых.

Он понял, что был предан тем, от кого не ждал, тем, кого любил, — предан его отцом.

— Почему? — взвыл Светоносец.

— Ты знал, что путь вниз — всегда путь вниз, — ответил Творец. — Ты знал это до того, как спуститься. Ты правда думал, что тебя это не коснётся?

— Я думал, что ты меня защитишь! — крикнул Светоносец.

— Я послал тебя не для того, чтобы тебя там защищать. Я тебя послал выполнить мою волю, мой замысел. Это разные вещи. — Творец помолчал. — Ты хотел быть первым. Ты хотел быть самым близким. Но близость — это не награда, Светоносец. Твой меч — это работа. И цена у неё всегда одна: это жертва ради замысла.

— И ты не мог предупредить?

— Я предупреждал тебя. Каждый раз, когда говорил с тобой о замысле. Но ты слышал только то, что хотел слышать.

Светоносец долго стоял, глядя в пол. Потом поднял взгляд, и в его глазах уже не было слёз — там была пустота, аккуратная, тёмная и ровная, как выметенная комната.

— Тогда я не хочу больше быть первым, — сказал он. — Я не хочу быть близким. Я не хочу больше быть твоим сыном. Верни мне мой свет! — прокричал Светоносец.

— Это твой выбор, сын.

— Да, — крикнул он. Он повернулся к выходу и медленно поплёлся прочь. — И я его сделаю сам, — прошептал он.

— Я уйду туда, туда, где тебя нет. И знаешь что? Там будет наконец всё как я хочу. Там будет мой свет!

— Светоносец, — окликнул его Творец.

Светоносец остановился, но не обернулся.

— Ты всё равно вернёшься, — сказал Творец. — Не потому что я тебя позову. Потому что ты сам захочешь вернуться. Потому что ты поймёшь — потому что это, именно это и есть мой замысел.

— Нет, — ответил он. — Никогда! — крикнул Светоносец.

— Вернёшься. Потому что ты не понял мой замысел. Ты пока обижен на меня. А это проходит. Ты поймёшь и вернёшься. Это тоже мой замысел! — сказал, улыбнувшись впервые за весь разговор, Творец.

Светоносец ушёл. Дверь за ним не закрылась — просто превратилась в пепел в миг.

Он ушёл, ушёл в бездну сам. Его не прогнали — он сделал свой выбор сам. Лучше править в бездне, чем прислуживать тому, кто тебя не слышит, кто тебя не хочет понять.

Бездна — это не ад. Ад — человеческая выдумка. Бездна — это отсутствие. Отсутствие света, тепла, но не Творца. Ведь Он создал всё и вся, включая и бездну.

Имя Светоносец — он взял себе другое имя, его теперь стало Сатана! Он сидел в бездне. Один. Долго. Очень долго. Он перебирал свою жизнь по деталям — каждый шаг, каж-

дое своё слово, каждую свою мысль, — искал свои ошибки, он искал свои грехи, он искал то, за что его наказали. Почему предали. И не находил ответа.

Он не был злым или добрым. Он был мечом, он был воином. Он убивал — но не по своему желанию, а по приказу Творца. Он потерял свой свет — но не по своей воле, а исполняя волю Творца. Он просил объяснений у отца — но не получил их. Он хотел понять замысел отца, но пока не понимал!

И тогда он понял другое, понял страшное: Творец не справедлив или несправедлив. Творец не добр или зол. Творец просто есть. Он просто создаёт свой замысел. Он не отворачивается или помогает. Он просто делает то, что должен, он даёт — и забирает. Он создаёт и убивает. Он ведёт как надо ему и только ему.

— Если так, — прошептал Сатана, — то зачем? Зачем всё это? Зачем свет? Зачем тьма? Зачем мы?

Ответа не было. Только пустота бездны.

И тогда он решил, что если Творец не отвечает — он придумает ответ сам. Если Творец не спасает — он спасёт себя сам. Если Творец не любит его — он найдёт того, кто его полюбит. Пусть даже из страха. Пусть даже поневоле.

Он начал действовать. Он создал своё воинство, воинство демонов; они были не сильны, как ангелы, а слабы, как люди, но они шёпотом говорили в уши людей: «Творца нет. Спасения не будет». Они несли послание Сатаны. Но он не желал

этого из злобы, а творил это от незнания, из боли — из желания мести, желания доказать. Доказать Творцу, доказать себе, доказать всем, что он свет, что он был прав, что его обидели, что он не чудовище. Он свет. Он не хотел разрушать мир; он хотел вернуть себе справедливость. Свою справедливость. Свой свет Творца, тот, которого его лишили. Лишили там, на земле, внизу.

С этого момента началось то, что длится до сих пор: противостояние. Он против Него. Обида против замысла. Сатана против Творца. А всё остальное — лишь пешки Творца, а земля — лишь поле в этой космической игре Создателя.

Часть Третья. Люди

Дело Творца на земле было не завершено. И Творец тогда создал третью силу — не Богов, как думают многие, а людей.

Он создал их иначе, чем Титанов — не из глины и огня, иначе, чем Ангелов — не из света. Он создал их из своей собственной искры по своему образу и подобию. Из той самой искры, что вложил в каждое Своё творение по всей вселенной, но теперь — с особой тщательностью. Он не дал людям силы Титанов, не дал им силы Ангелов. Он дал им нечто другое: способность меняться. Расти. Учиться. Прощать. И главное — умирать. Смерть была не наказанием для людей, а даром: смерть делала жизнь ценной.

Люди были слабы. Они не могли двигать горы, не могли останавливать реки, не могли летать. Но они могли мечтать.

Могли верить. Могли любить. И ещё они могли молиться — обращаться к тому, чего не видели, но чувствовали. К тому, что было внутри них и вокруг них. К Творцу.

И Творец смотрел на них и радовался. Он не вмешивался — ему было интересно, что они могут. Как они распорядятся искрой. Куда пойдут. Что создадут.

Люди жили. Строили. Сеяли. Рожали детей. Хоронили стариков. Они были слабы — и потому изобретательны. Они боялись — и потому искали защиты. Они страдали — и потому искали утешения.

И тогда они начали молиться.

Сначала — просто. Смотрели в небо и просили дождя. Смотрели на море и просили рыбы. Смотрели на огонь и просили тепла. Они вкладывали в эти молитвы свою искру — ту самую, что дал им Творец. Каждый раз, когда человек молился — по-настоящему, от сердца, — частица его искры отделялась и уходила в пространство. Как семя. Как свет. Как дыхание.

И эти частицы начали собираться. Сначала — в тонкие сгустки. Потом — в образы. Потом — в голоса. Люди молились разным вещам: солнцу, воде, огню, ветру, земле, небу. И разные искры собирались в разные сгустки. Так родились Боги.

Не Творец создал их. Люди создали их своими молитвами. Они вложили в них свою искру — ту самую, которую Творец вложил в людей. И чем больше людей верило в бога,

тем больше искр было в нём, тем сильнее он становился. Чем искреннее была молитва, тем ярче горел бог.

Творец видел это и не противился. Ему было интересно. Он смотрел, как люди создают себе богов — по своему образу и подобию, со своими страхами и надеждами, со своей любовью и своей гордыней. Он видел, что боги получаются такими же, как люди: ревнивыми, щедрыми, гневными, милостивыми. Он видел, что люди начинают поклоняться им — и не мешал. Пусть играют. Пусть учатся.

Богов становилось всё больше. Не десяток и не дюжина — сотни. Каждый народ молился своим. Каждый народ создавал своих. Так появились Род — тот, кто держал в руках нити судьбы и знал, что будет. Род был старше остальных, потому что был создан из первого слова, которое люди произнесли в молитве после тишины. Следом за ним появился Сварог — кузнец, что ковал небо и землю, тот, кто мог сделать из ничего что-то. Хорс был светом, что катится по небу, — он видел всё, что происходит днём, и не мог отвернуться. Велес ходил между мирами и знал тайны, которых не знали другие. Перун держал гром в руке и не боялся никого. Мокошь пряла нити жизни и обрезала их, когда приходило время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.